

В результате каждое слово, слетавшее с губ Дэниела, было грубым, как военный грузовик, сносящий колючую проволоку карантинной зоны.

— Разве в здравом уме кто-то полезет туда, где нужно просто промолчать? Зачем ты вообще копаешься в этом? Ты идиот?

[Дэниел Линдберг.]

— Что? Я сказал что-то не так, директор Алек Уокер?

Среди потока бессмысленных реплик, которые Алек Уокер без устали выдавал сегодня, одно всё же было правдой.

Имена и обращения — основа и фундамент отношений. Дэниел Линдберг был пилотом команды, которую спонсировал Алек, а сам Алек — всего лишь ядовитым грибом, генеральным директором, который угрожал уволить его, если тот не даст результат.

Таков был контракт, который они когда-то оценили и приняли. И всё же этот человек, будто внезапно выбросив калькулятор, в панике снова тащил Дэниела к столу переговоров.

Изменение контракта требует взаимного согласия. Но как Дэниел мог доверять человеку, который уже несколько дней игнорировал его желания, и снова садиться за этот стол? У него действительно не было никакого желания сблизиться с Алеком Уокером.

«Джошуа» был неприкасаемым нервом Дэниела Линдберга.

— Давай не будем тратить время друг друга. Хватит тратить моё.

Дэниел резко усмехнулся, нанеся точный удар. После множества столкновений за столом переговоров они слишком хорошо знали, что именно каждый из них ненавидит.

И действительно, человек, который до этого молча выдерживал гнев Дэниела, резко ответил:

[Слушаю тебя и понимаю, что тебе вообще ничего нельзя говорить. Ты что, считаешь меня бездельником, который звонит кому попало, потому что у него слишком много свободного времени?]

— Не знаю. Но если бы у тебя было мало времени, ты бы вообще этим занимался?

Он был человеком, который считал самым ценным то единственное, что мог контролировать, — свои двадцать четыре часа. Если бы у него была любовница, он, вероятно, заранее расписывал бы порядок поцелуев в расписании. И именно поэтому ещё сильнее раздражало, что он так настойчиво пытается копаться в секретах Дэниела.

Наконец в голосе Алека появилась ледяная острота.

[В твоей голове я, должно быть, на уровне дешёвого таблоида, охотящегося за сенсациями.]

— ...

[Твой арсенал слабее, не мой. Если бы я был террористом, ты бы уже застрелил меня.]

После этих слов Алек повесил трубку.

Дэниел, который по привычке уже тянулся завершить звонок первым, уставился на мигающий экран времени разговора в неверии. Просто взять и повесить?

— Что это вообще за человек?!

Новостью это не было, но Алек Уокер действительно был невыносим.

Человек особой категории, он постепенно обзаводился странными «хэштегами»: ядовитый гриб, трудный ученик, раздражающий ублюдок, безжалостный переговорщик.

Яростно выдохнув, Дэниел, что было на него не похоже, провёл рукой по волосам, будто в стиле Оби-Ван Кеноби, и выключил телефон.

Это был тот самый проклятый Circuit de Catalunya, на который он уже несколько дней смотрел.

Большой экран в стратегическом штабе показывал результаты квалификации и подробную статистику стартовых позиций обоих пилотов.

Среди цифр и графиков Мика, орудуя лазерной указкой, как световым мечом джедая, завершил анализ и сформулировал общую цель команды.

— Нам нужно улучшить позиции в квалификации.

Проще сказать, чем сделать. Марсель с недовольным лицом даже не пытался это скрыть.

— Согласно стратегии прошлого года на Гран-при Испании, — продолжил он, — наши средние результаты в квалификации были слабыми. Сколько бы мы ни улучшали машину, низкая стартовая позиция ограничивает возможности для обгона. Машина Featherway в этом году по прямой скорости и мощности не уступает McLaren и Honda-Makoto. Проблема — в сопротивлении в поворотах...

По мере увеличения скорости болида возрастает и прижимная сила, прижимающая его к трассе. Но чем больше прижимная сила, тем выше и лобовое сопротивление — сопротивление воздуха.

Если не учитывать постоянные величины вроде плотности воздуха, площади поперечного сечения и массы, Мика, бормоча как безумный учёный с Comic-Con, подставлял новые коэффициенты подъёмной силы.

— Мы уже частично решили это. Мы собрали достаточно данных с прошлой гонки и планируем финализировать настройки к Гран-при Испании. Но результат почти не изменился. Это лишь моё мнение, но, думаю, есть проблема и с сцеплением шин. Что думаешь, Марсель?

— Честно... не уверен. Износ шин высокий, но скорость не соответствует этому.

— Хм, понятно. Но данные не показывают серьёзных проблем с сцеплением. Энергетические показатели стабильны, но мы всё равно не выходим на близкие к лучшим круги...

Если Формула-1 — это 101 секретная коробка, разбросанная по трассе, то, открыв все, ты найдёшь ещё 101 до того, как закончишь. Иногда обновление машины ощущалось как копание в земле, и Дэниел уже не понимал, пилотирует он болид или экскаватор.

— Дэниел.

— Да?

— Есть какие-то замечания для Марселя?

Дэниел, проверяя цветовые сектора квалификации, посмотрел на Адама с недоверием.

Замечания? Он только что сказал слово, начинающееся на «з» и заканчивающееся на «я»?

И не он один моргал, как жеребёнок, которого внезапно испугали. Кроме Мики и Марселя, вся комната выглядела так, будто их попросили поцеловать лягушку-принца.

«Фидбек» — в более мягком смысле это означало советы от ветерана с семью сезонами новичку с двумя сезонами.

Чего вообще ожидал руководитель команды от двух пилотов, которые в прошлом заезде были готовы перегрызть друг другу глотки?

Но виновник этой «бомбы», с ручкой, зажатой между губами, уже был готов отмахнуться от всего как от шутки.

«Вот же бессовестный ублюдок. Он специально ждал этого момента».

Карие глаза Дэниела скользнули с Адама на Марселя, на запястье которого был надет браслет цвета хаки.

Проблемный ребёнок Испании перед своей домашней гонкой был настроен как никогда решительно.

Как и в прошлом году, он нёс в себе ауру непобедимого испанского адмирала, ведущего Непобедимую армаду, но для Дэниела он был скорее неостановимым Дон Кихотом.

Если уж на то пошло, сам Дэниел больше походил на племянницу Дон Кихота, которая хочет запереть своего безумного дядю, но он всё же не был настолько хладнокровен, чтобы игнорировать серьёзность и отчаяние в глазах Марселя.

— Фидбек имеет смысл только для того, кто готов его слушать.

— ...

— ...Ты вообще серьёзно собираешься слушать?

Одной этой фразой он ошеломил всех, кроме Мики.

Марсель быстро кивнул, разжимая скрещённые руки и наклоняясь вперёд над столом. Дэниел же, напротив, подпёр подбородок с кислым выражением лица.

— Тебе нужно лучше контролировать температуру шин.

Хотя они управляли одной и той же машиной, только Дэниел стабильно стартовал в топ-10.

Опыт и стаж играли свою роль, но у Марселя была привычка игнорировать чужие советы, закрывая уши разговорами о «инстинкте пилота».

И это был заметный шаг вперёд. Марсель Диас, кто бы мог подумать, спокойно слушал

Дэниела Линдберга!

— Температура на трассе Каталунья в оптимальных сухих условиях колеблется примерно от 45 до 52 градусов. Если не считать быстрых кругов, ты делаешь слишком много прогревочных кругов. Износ шин у тебя не просто так высокий.

— Ты хочешь сказать, что мне нужно заезжать в боксы сразу после Q1?

— Это тебе решать после тестов. Охлаждать шины после пит-стопа тоже не так просто. Квалификация — это вопрос тайминга. И ещё: не забывай, что это касается и основной гонки. Как думаешь, почему Виктор из Williams едет быстрее тебя на жёстких шинах?

Сказав это, Дэниел поднялся, обозначая конец своего «бизнес-брифинга».

Комната зашумела — Марсель всё ещё был взбудоражен, а Мика вводил новые переменные в расчёты.

Гран-при Испании, до которого оставалось десять дней, постепенно «созревал» вместе с Марселем как с пилотом. Его энтузиазм тихо укреплял командную сплочённость.

Дэниел не возражал против этих изменений. Если всё пойдёт хорошо, Featherway, возможно, наконец избавится от статуса середняка.

И чем больше его что-то раздражало, тем глубже он зарывался в работу.

По мере приближения Гран-при Испании Дэниел всё чаще держал телефон выключенным.

Ничего особенного. Большинство тех, кто пытался с ним связаться, были людьми из команды. Они знали, что он ценит режим, и перед гонкой старались его не отвлекать.

Чтобы сосредоточиться на тренировках, работе на симуляторе, совещаниях или потому что он не замечал разряженную батарею.

Никто не подозревал, что он избегает звонков по личным причинам.

Даже Марсель был впечатлён его дисциплиной, думая, что он полностью отрезал всё ради гонки. Ещё одна негласная «правда» добавилась к списку.

Но, несмотря на неудобства, Алек Уокер с того дня больше не звонил и не писал. И это почему-то делало уверенность Дэниела в том, что дело «не в ком-то конкретном», неловкой.

Через три дня он признал, что это было глупо, и снова включил телефон.

«Ни одного звонка сейчас».

Батарея — 87%. Ни пропущенных вызовов, ни непрочитанных сообщений. Никто его не искал.

Это почему-то было тревожно. Дэниел перестал есть йогурт и открыл журнал вызовов.

Как будто подтверждая узость его круга общения, список был предсказуемым: гоночный инженер Featherway, PR-менеджер.

Список рабочих контактов выглядел как доказательство того, насколько он игнорировал личную жизнь.

Но были и исключения.

Алек Уокер 13:34

Алек Уокер 04:59

Алек Уокер 21:05

Алек Уокер 07:08

Алек Уокер — отклонённый вызов

Алек Уокер — пропущенный вызов

Алек Уокер 03:45

Алек Уокер 10:26

Настойчивость была поразительной. Почти как у сталкера, достойного следующего антагониста Стивена Кинга. Его звонки были настолько регулярными, что кричали: деловой человек. Целеустремлённый.

«Он с самого начала был таким».

Дэниел с первой встречи знал, что тот — человек уровня выше. В их первой встрече в офисе на 65-м этаже Алек говорил прямо, не заботясь о чужих чувствах. Его действия полностью соответствовали словам — ничего удивительного.

На мгновение Дэниел задумался, куда вообще отнести этого проблемного человека: к профессиональным контактам или к личным.

Алек Уокер стирал границу между этими категориями.

<http://bllate.org/book/17841/1719148>